

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И «АНТИГОРОДСКИЕ» НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА

В статье характеризуются «антигородские» настроения крестьянства в годы нэпа. Сделан вывод, что недовольство крестьян налогообложением чаще всего выражалось в крайне негативном отношении к жителям городов, что заставляло государство корректировать аграрную политику.

Ключевые слова: деревня, город, «антигородские» настроения, налоговая политика, крестьянство, нэп.

Одной из проблем, порождавшей противоречия российского общества 1920-х гг., были взаимоотношения города и деревни. Сложность этих противоречий определялась самим характером переходной эпохи: именно здесь сталкивались остатки буржуазных и даже добуржуазных отношений, мощные процессы, рожденные войной и разрухой, стихийным стремлением масс быстро и радикально реализовать свои социальные идеалы.

Обострение кризиса в 1921 г. расширило сферу поисков путей его преодоления, что потребовало отказа от характерной для «военного коммунизма» узкоклассовой трактовки города и деревни (рабочий класс – крестьянство) и перехода к более широкому осмыслению этих категорий как сложных социально-поселенческих структур. О том, что старый «военно-коммунистический» подход к проблеме города и деревни уже не соответствовал изменившимся условиям, свидетельствовало оживление «антигородских» настроений в деревне. С завершением гражданской войны и в результате известной нивелировки крестьянства внутридеревенские антагонизмы как бы отступили на второй план и в ходе колебаний середняка как в одну, так и в другую сторону, фактор внутренней «солидаризации» деревни в целом стал более ощутимым.

Вопросами, вокруг которых обострялись противоречия, были различие в городском и деревенском образах жизни, налоговом обложении. Весной 1921 г. на крестьянских собраниях, в письмах в газеты все чаще стал выдвигаться вопрос: «Почему городские рабочие не платят ни разверстки, ни налога?»². Петроградский губком сообщал, что в

¹ *Филимонов Виктор Яковлевич*, доктор исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, vjfilim@yandex.ru, Россия, г. Калуга.

² Беднота. 1921. 31 марта.

ходе разъяснительной кампании по продналогу приходилось встречаться с заявлениями, что «все тяготы налогов несут крестьяне, а рабочие этого не несут», призывами отказаться от уплаты налогов, так как за их счет «коммунисты шьют себе галифе».

Примечательно, что подобные настроения охватили не только собственно деревенские поселения, они глубоко проникли в малые города, население которых было преимущественно мелкобуржуазным. Так, на уездной беспартийной конференции, состоявшейся в январе 1921 г. в Перемышле Калужской губернии, антисоветски настроенные элементы выступали против участия в конференции коммунистов из Калуги, заявляя, что «разруха произошла не по вине крестьян, а по вине партийных товарищей»³. Газета «Беднота», анализируя в передовой статье причины недовольства крестьян, писала: «Далеко не все крестьяне согласны с тем, что разруха – результат войны. Многие крестьяне склонны приписать упадок промышленности лодырничанью рабочих»⁴.

Кулацкие элементы в деревне использовали переживаемые трудности для разжигания антисоветских настроений, которые приобретали окраску антигородских. Из деревень Петроградской губернии сообщали, что местные кулаки запугивали крестьян: «Скоро крестьянству конец. Придут рабочие из своих городов и прогонят нас со своей земли» [3, с. 419]. «Крестьянин – Пугачев первых лет революции, – писал издававшийся за рубежом журнал «Социалистический вестник», – теперь значительно эволюционировал <...>. Прежде всего, он частный собственник. Многое пережившее и испытывавшее за эти годы, крестьянство научилось управлять, правда, пока еще в пределах своей волости оно успешно борется [выделено в источнике. – В.Ф.] за свои интересы против большевиков и города»⁵.

Поворотным пунктом в изменении настроений крестьянства стало решение X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом. Влияние этого факта на политическую жизнь деревни широко отражено в исторической литературе. Мы же отметим, что съезд партии положил начало преодолению враждебности крестьянства по отношению к городу, ибо сельский житель видел, что из города исходит инициатива в деле хозяйственного возрождения деревни. Показательно, что крестьяне сразу приняли решения съезда, хотя и с известной долей настороженности, недоверия.

Для иллюстрации данного тезиса обратимся к крестьянским письмам, опубликованным в первые же дни после закрытия съезда. «В Ок-

³ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 8–12.

⁴ Беднота. 1921. 6 марта.

⁵ Цит. по: Петроградская правда. 1922. 17 авг.

тябрьскую революцию, — писали крестьяне Урусовской волости Тульской губернии, — мы все, как один, встали на сторону большевиков, потому что эта революция дала нам землю и с нею закончилась затеянная буржуями война. Но потом, когда стала проводиться продразверстка, дело пошло круче, и многим из нас стали такие порядки не по душе. Особенно не нравились нам продотряды <...>. Каково же было наше удивление и радость, когда мы только что прочитали о намерении центральной власти объявить замену разверстки налогом. И пусть этот закон распространят по всем деревням. У нас еще не все верят, что мы заживем по-новому. Надо убедить всех, что возврата к старому не будет <...>. Уже теперь все вздохнули свободно. В деревне будто за постом наступила пасха. <...> голосов против Советской власти уже не слышно. Все заботы только об одном — как бы улучшить свое хозяйство и, узнавши наверняка о налоговом законе, посеять побольше, чтобы быть с излишками»⁶. Петроградский уездный комитет сообщал, что до введения продналога кампания по выборам посевокомов шла с большими трудностями, были разговоры о «барщине», «погонялке». «Сейчас, понятно, этих криков нет, — писалось в отчете, — это сделал декрет о продналоге»⁷.

Однако то, что крестьяне с пониманием восприняли решения съезда, не отменяло необходимости организаторской работы по проведению этих решений в жизнь. Предстояло преодолеть известное недоверие крестьянства ко всему, исходящему из города, разъяснить долгосрочный характер принятых мер, предупредить возможные извращения при проведении их в жизнь. При этом следовало учитывать, что политическое воздействие города на деревню в условиях нэпа находилось под влиянием двух тенденций, обусловленных характером самой новой экономической политики. С одной стороны, процесс восстановления промышленности, оздоровление на этой основе всей хозяйственной жизни страны объективно способствовали усилению пролетарского влияния на крестьянство, росту политической активности бедняцко-средняцких масс. С другой стороны, допущение капиталистических элементов в экономику, оживление товарно-денежных отношений в связи с переходом к нэпу питали мелкособственнические интересы, стремление замкнуться в узких рамках своего хозяйства.

Тяжелым испытанием стал неурожай, обрушившийся на страну в 1921 г. и охвативший около 40 % всей посевной площади. Правительство освободило голодающие районы от обложения, в результате чего фактический объем продналога вместо планируемых 240 млн пудов составил 127,8 млн пудов зерновых культур⁸.

⁶ Беднота. 1921. 23 марта.

⁷ Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 3. М., 1921. С. 3.

⁸ Народное хозяйство России за 1921–1922 гг. Статистико-экономический ежегодник. М., 1929. С. 8.

Значительная часть крестьянства видела в нэпе дорогу для экономического подъема. Хотя продналог и был значительно меньше по сравнению с продразверсткой, для большинства крестьянских хозяйств он являлся обременительным. Возможность добиться прибыли была только у «наиболее удачливых», сильных крестьян. То же можно отметить и в отношении допущения свободы торговли: первая волна мешочников в 1921 г. состояла в основном из наиболее предприимчивых, активных слоев крестьянского населения. В то же время в некоторых районах уже в 1921 г. произошли заметные сдвиги в развитии хозяйства. Так, во Владимирской и Курской губерниях возросла урожайность, а посевные площади достигли уровня 1916 г.

«Ножницы цен» 1923 г. серьезно осложнили взаимоотношения города и деревни. С осени 1923 г. началось повышение заготовительных цен на хлеб. Стимулируя этот процесс, государство занижало отпускные цены по сравнению с заготовительными: при росте заготовительных цен за 4 месяца на 40–50 % цены, по которым снабжались города потребляющей полосы, увеличились только на 20 % (в Москве они остались без изменения). Эти меры положительно сказались на рыночных хлебозаготовках: в 1923/1924 г. по сельхозналогу натурой поступило только 116 млн пудов, а 300 млн пудов было заготовлено путем государственной и кооперативной торговли (в 1922/23 гг. эта цифра составляла всего 79 млн пудов)⁹.

Регулирование рыночных и кредитных отношений осуществлялось в неразрывной связи с налоговой политикой Советского государства. Законодательство в этой области основывалось на учете интересов жителей города и деревни, источников и масштабов доходов различных категорий населения и социальных групп. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК от 29 августа 1922 г.¹⁰ помимо подоходно-поимущественного налога и рентного обложения в городах могли взиматься: 1) налог со строений (частных, кооперативных и государственных) в размере не выше 1 % стоимости построек; 2) налог со скота (кроме лошади): 1 руб. 50 коп. — с крупного рогатого скота и 30 коп. — с мелкого; 3) с извозного промысла (свыше 5 руб. за полугодие за лошадь); 4) с выездных экипажей (не выше 10 руб. в полугодие); 5) с велосипедов, яхт, автомобилей (50 коп. в полугодие); 6) с промышленных садов и огородов (в Москве и Петрограде — 0,5 коп. с квадратной сажени, в других городах — 0,2–0,3 коп.). Кроме того, взималась арендная плата за земли, занятые частными предприятиями в черте города, прописочный сбор и др.

В деревне в это время было 34 вида натурального обложения. С 1923/24 г. основным видом обложения крестьянства стал единый взимае-

⁹ Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 195.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 10. Л. 43.

мый вначале в натуральной, а затем в денежной форме сельскохозяйственный налог.

В интересах сельскохозяйственного населения, проживавшего на территории городов, было разрешено местным органам власти освобождать такие хозяйства от подоходно-поимущественного налога и устанавливать ставки единого сельхозналога. По мере роста доходности городского населения, увеличения обложения частного предпринимательства, сокращался удельный вес поступлений в бюджет от сельскохозяйственного налога, а значит должны были расти свободные товарные излишки крестьянских хозяйств и соответственно увеличиваться емкость деревенского рынка. По сведениям, приведенным Г.Я. Сокольниковым в докладе на Всесоюзном совещании в Москве (июль 1924 г.), «благодаря системе прямых налогов в городах», являющихся орудием «регулирования капиталистического накопления», налоговые поступления от деревни в бюджете на 1924/25 г. составили $1/3$ ¹¹. Общая сумма сельскохозяйственного налога в этом году определялась в 400 млн руб. (в том числе 285 млн руб. — на государственные и 115 млн руб. — на местные нужды). В целом это равнялось 10 % стоимости продукции крестьянских хозяйств или $1/3$ платеже-покупательной способности деревни.

Таким образом, предполагалось, что $2/3$ свободных средств деревня может направить на покупку городских товаров. В действительности обстановка на рынке в 1924/25 г. сложилась не так, как предполагалось, и главным дестабилизирующим фактором стали хлебозаготовки. Формирующийся нэповский механизм заявлял о себе очередным (после 1923 г.) циклом кризисного развития, требовавшим взвешенного, сбалансированного подхода. «Есть основания думать, — писал в 1925 г. Н.Д. Кондратьев, — что в данный момент мы находимся в такой полосе, когда между индустрией и городом, с одной стороны, и между сельским хозяйством и деревней, с другой, наметился некоторый новый конфликт, наметилась тенденция изоляции деревни от города и наоборот» [2, с. 41].

В 1924 г. валовый сбор зерна по РСФСР составил 1797 млн пудов, т.е. на 3,8 % меньше, чем в 1923 г. Товарная же часть валовой продукции сельского хозяйства возросла в 1924/25 г. по сравнению с предшествующим годом в 2,1 раза (увеличение шло, главным образом, за счет роста производства технических культур). На хлебном рынке возникла «напряженность спроса», что повлекло за собой увеличение цен на хлеб: осенью 1924 г. цены на рожь, овес, пшеницу возросли более чем в 2 раза, а в мае-июне 1925 г. снизились только на 2–10 %¹².

¹¹ Социалистическое хозяйство. 1924. № 5. С. 14.

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1924/1925 гг. М., 1925. С. 15, 22.

Своеобразие ситуации, сложившейся на рынке в 1925 г., состояло в том, что «товарный голод» носил двусторонний характер: не хватало как промышленных товаров, так и продуктов сельского хозяйства.

Обстановка в деревне, сложившаяся в середине 1920-х гг., характеризовалась ростом политической активности крестьянства: мелкотоварный сектор экономики, относительно консолидировавшийся на основе рыночных отношений, обнаруживал стремление к организации путем создания определенной политической структуры. В этой связи обострилась потребность расширения границ соглашения со средним крестьянством в политической сфере. Однако в большинстве выступлений политических лидеров того времени создание какой-либо политической организации крестьянства расценивалось как фактор конфронтации города и деревни, угроза раскола рабочего класса и крестьянства [1, с. 33].

В целом сложившаяся во второй половине 1920-х гг. система связей города и деревни содержала в себе возможность дальнейшей эволюции в двух направлениях. Одно из них состояло в дальнейшем совершенствовании рыночного механизма, экономических методов государственного регулирования отношений города и деревни, демократизации внутридеревенских отношений на основе кооперирования. Другое — являлось продолжением линии на непосредственное привлечение городских сил к социалистическому строительству в деревне и находило выражение в фактах прямого административного воздействия на крестьянские хозяйства и общественно-политическую жизнь деревни.

В 1923–1924 гг. происходит новый всплеск антигородских настроений. Газеты того времени пестрят сообщениями о протестных выступлениях крестьян на беспартийных конференциях, проводимых на селе: «Почему в городе штрафуют, если выедешь из деревни на извозный заработок?»; «Если снижать цены на хлеб, то надо снижать и на фабрикаты»; «Рабочие работают в норму, а крестьянский труд не оплачивается»; «Мы пошли рабочему навстречу, а они нам ничего не сделали»¹³.

Однако антигородские настроения теперь вписывались в более широкий контекст. Понятие «город» теперь отождествлялось с властью, государством. В центре взаимопонимания государства и крестьян находилась налоговая политика. Крестьяне не ставили под сомнение необходимость сбора налогов, а скорее оспаривали «сколько» и «как»: «Лишь бы был хлеб, соль, керосин, плуг, коса и т.д., перестали бы воевать и нас бы не тревожили», а государство должно гарантировать возможность владения землей. Крестьяне хотели бы иметь государство, гарантирующее им существование такого рынка, в котором они нуждались.

¹³ Правда. 1924. 2 окт.

Советская власть вынуждена была проявлять гибкость в строительстве местных органов власти на селе. Это проявилось хотя бы в том, что наряду с сельсоветом, волисполкомом на селе сохранился сход, который решал многие вопросы практической жизни деревни (он был фактически узаконен Земельным кодексом 1922 г.). В печати того времени не без оснований писали о «двоевластии» в деревне.

Таким образом, в политике налогообложения как средстве регулирования взаимоотношений города и деревни можно выделить два этапа. На первом из них, хронологически охватившем 1921–1923 гг., обострение противоречий между городом и деревней было связано с разрухой, хозяйственным упадком. Политическая поддержка, оказанная крестьянством городу, была обеспечена за счет мер, носивших форму экономических уступок крестьянству, предоставления свободы хозяйствования, льгот по налогообложению.

На втором этапе эту же задачу пришлось решать в условиях хозяйственного и политического оживления деревни. Поэтому проблема обеспечения политической поддержки города приобрела иной характер: на первый план выдвигались задачи регулирования социально-экономических процессов в деревне, более жесткой дифференциации налоговой политики по отношению к различным слоям деревенского населения. В политических отношениях города и деревни это повлекло за собой потребность повышения уровня консолидации бедноты как ядра деревенского актива, дополнительных мер по привлечению на сторону Советской власти середняка и ограничению капиталистической тенденции мелкокрестьянской деревни.

Литература

1. *Каменев Л.Б.* Статьи и речи. Т. 12. М.-Л., 1926.
2. *Кондратьев Н.* Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.
3. Обуховцы. Л., 1965.